

Вера Заведеева

МИНУВШЕЙ ЖИЗНИ ЗЛАЯ КРОВЬ

BYBLOS

Вера Заведеева

Минувшей жизни злая кровь

«Библос»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Заведеева В. Ю.

Минувшей жизни злая кровь / В. Ю. Заведеева — «Библос»,
2019

ISBN 978-5-905641-68-8

Психологическая драма, повествующая о нелегкой судьбе сильной эгоцентричной женщины, которая в конце жизни остается в одиночестве, не желая смирить непомерную гордыню и укротить свое злонравие, чтобы не корежить жизнь собственным детям и внукам. История охватывает период всей ее взрослой жизни – шестьдесят семь лет. Симпатичная юная девушка, окончив десятилетку, вырывается в конце войны из уральской глубинки и попадает сначала на Западную Украину, а затем и в столицу. Ее честолюбивые планы – стать певицей – не сбываются, но недюжинное упорство и святая вера юной провинциалки в собственную исключительность помогают ей уверенно шагать по жизни и добиваться своего, не стесняясь в средствах. Однако это не приносит ей счастья и тепла близких, в которых она походя вонзает ядовитые шипы. Глубокое разочарование в своей жизни на склоне лет усугубляет предательство любимого наследника – жить больше незачем.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-905641-68-8

© Заведеева В. Ю., 2019
© Библос, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Судьбе навстречу	8
Глава 2. Капризы любви	15
Глава 3. Молодожены	24
Глава 4. Семейные бури	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вера Заведеева
Минувшей жизни злая кровь

«Жизнь слишком коротка, чтобы быть несчастным».
Даниил Гранин

© В. Ю. Заведеева, 2019

Пролог

Новый, 2011, год уже укоренился по всем календарям – западным и восточным, завершив неделю назад затянувшуюся праздничную круговерть китайским Кроликом. Что-то он принесет с собой людям, этот пугливый ушастый зверек? Кому какую судьбу назначит? Кому – тянуть привычную лямку безрадостных будней, кому – чваниться в неизбывном довольстве, кому – бороться и страдать, кому – вскарабкаться на собственную вершину бытия, кому – кубарем скатиться с нее, а кому – появиться на свет или обрести вечный покой. Для кого-то настанет время «разбрасывать камни», а для кого-то – «собирать» их.

* * *

Колючий февральский снег назойливо царапает лобовое стекло, заигрывая с усталыми «дворниками». Впереди, рассекая крошечную темень, выпучивается огненная лава, то вспыхивая сигнальными огоньками, то угасая. Неизбежное столичное злодейство – вечерний час «пик».

– Может, сирену включить, вдруг пропустят? «Скорая» все-таки..., – предложил врач без всякой надежды в голосе.

– Как же, жди. Разве что в канаву кубарем. Только и гляди, чтоб не зацепить кого... Могут и стрельнуть, – скрипнул зубами пожилой водитель.

Наконец свернули на нужную улочку, сплошь заставленную машинами – на газонах, тротуарах и на самой дороге, где встречающиеся авто, минув друг друга, демонстрируют чудеса эквилибристики. «Скорую» удалось припарковать лишь в дальнем углу двора, рядом с мусорными контейнерами.

Врач, хмурый дядька неопределенного возраста, отправился с молоденькой фельдшерницей на поиски нужного подъезда. Железная дверь типовой панельной многоэтажки, неработающий домофон. Хорошо хоть лифт функционирует. На десятый этаж не набегаешься. В холле, конечно, темно – жильцы выжидают, у кого из соседей сдадут нервы и найдутся средства на новую лампочку. Но медики люди опытные – фельдшерница привычно включает большой фонарь, который теперь приходится таскать с собой на вызовы. Да и не только фонарь... Скоро до пистолетов дойдет...

«Опять одинокая старуха в “богатой” однокомнатной квартире, сильно за восемьдесят. И чего вызывают “Скорую”? Кто их вылечит от старости? Молодых надо спасать – мрут как мухи или погибают ни за что, ни про что». – Фельдшерница, лишь недавно перебравшаяся в Москву из далекой провинции, привычно плеснула масла в огонь застарелой нелюбви-зависти окраины к «жирующим» москвичам, которые держатся за свои квартиры зубами. А могли бы и поделиться с такими молодыми и полезными обществу людьми, как она.

– Что с вами?

– Болит все, вчера вот давление поднялось до 200, «Скорая» приехала, сделала укол и уехала. А сегодня все болит... рвота, понос... Соседка приходила... Дочерям пыталась дозвониться... Живут далеко... Старшая с маленьким внуком сидит, только завтра обещала. Наконец вечером объявилась младшая и вас вызвала...

– Чем бабушка страдает? Какие лекарства принимает? Есть анализы? Где предыдущая кардиограмма? – допрашивал врач стоявшую поодаль немолодую женщину.

«Младшая», начинающая пенсионерка с непроницаемо-постным лицом, ничего толком сказать не могла: «Она всегда стремилась к независимости – ни с кем и ни к кому. Сложный, неуживчивый человек, а у меня семья большая. Общаемся только по необходимости». Врач

вертел больную во все стороны уже второй час и никак не мог выявить причину. Уколы не помогали. Давление почти в норме. Может, симулирует? Хочет, чтобы ее пожалели, понянчились с ней, как с малым дитем? Такое бывает с капризными стариками. Нервы у него завибрировали, а до конца дежурства еще целая ночь с беспокойным рассветом: к пяти утра начнут прощаться с жизнью сердечники.

Пролог

– Ты можешь показать точно, где у тебя болит? Сколько я могу тут с тобой канительситься? – шипел врач на старуху, забыв о том, что считал себя интеллигентом. – Ты тут выдумываешь чего-то, а у меня на соседней улице больной может помереть!

– Че, в больницу ее, што ль? – неуверенно спросила фельдшерица.

«Вот дура. Знает же, что есть негласный приказ начальства стариков в больницу не возить. Только в особых случаях... если родственники сообразительные», – злобствовал про себя врач, направляясь на кухню, где затаилась Младшая. Однако та его путаных речей про нищую зарплату и собачью работу не поняла. Или не захотела, проявив поразительное в таких ситуациях равнодушие. А старуха уже не вскрикивала и лишь тихо постанывала, совсем обесилев. Шел третий час бесплодных попыток унять боль. Раздраженный врач, вспомнив о нежелательной ответственности за возможный исход этого вызова, решил все-таки везти ее в больницу. От греха подальше.

Больную быстро завернули в халат, накинули на нее одеяло и потащили втроем к лифту. Внизу ее, на удивление довольно тяжелую, опустили, будто тряпичную куклу, прямо на бетонный выступ крыльца. Одеяло сползло. Голые руки и ноги повисли безвольными плетями, безразличные к обволакивающим их хлопьям снега. Врач побежал к машине, которой так и не удалось подобраться поближе. Шофер никак не мог совладать с носилками – это был его первый выезд на «Скорой».

Доживавшая свой век раздолбанная машина рванулась к шоссе и затряслась в сторону окружной. Младшая притулилась возле матери, держа ее за руку. Больная очнулась и равнодушно смотрела перед собой. Незаметно она отвернулась от дочери и затихла. Сидевший в кабине врач метнулся в салон и стал нащупывать у нее пульс. Машина уже въезжала в ворота больницы. Не дожидаясь, когда неторопливый охранник поднимет шлагбаум, врач взвалил на плечо старуху и припустил к приемному покою. Младшая бежала за ним, на ходу подбирая слетавшие с больной одежды.

В приемном покое он быстро «сдал» больную и мгновенно исчез. Старуха еле дышала. Подошел дежурный врач, сдерживая зевету, мельком взглянул на вновь прибывшую и распорядился поднять ее в отделение.

– Поставим капельницу. Посмотрим завтра утром. Сделаем анализы. Сейчас уже одиннадцатый час, поздно, никого нет. Звоните завтра. Нет, оставаться вам здесь незачем. Завтра. Все завтра, – вынес свой приговор усталый доктор и направился в ординаторскую.

Глава 1. Судьбе навстречу

К середине 1944 года война откатилась уже на Запад. Из глубокого южноуральского тыла, день и ночь ковавшего будущую Победу, потянулись на свои пепелища эвакуированные из центральных областей страны. Возрождать жизнь в родных краях. Сбирать осколки разбросанных войной семей и поджидать своих выживших в этой страшной мясорубке солдат на пороге родного дома.

В морозном январе 1942 года в большое русское село неподалеку от Златоуста, на северо-восточной окраине Башкирии, бывшей когда-то Уфимской губернией, привезли ленинградцев-блокадников, заморенных, неприспособленных к суровой жизни на уральской земле. Их, полумертвых, доставили на подводах со станции к сельсовету, откуда людей разобрали по домам жители села и окрестных деревень. «Ох, не жильцы они на этом свете», – качали головами встречавшие. И все же эти бледно-голубые тени выстояли, напитав духом своего великого города те края, где их приютил разноплеменный народ, деля с ними всю войну и крышу над головой, и последний кусок хлеба, и общее горе, и редкие радости. В спешке покидая его, ленинградцы увозили с собой, словно иконы, какую-никакую память о нем: книги, фотографии или открытки с городскими видами и репродукциями музейных сокровищ. В эвакуации им это очень помогало держаться, приобщая к высокой культуре местных жителей.

Село, где разместили некоторых блокадников, живописно раскинулось на высоком берегу реки Большой Ик среди бескрайнего океана вековых кедров и корабельных сосен. Когда-то здесь, в суровом, но благодатном краю, основали деревеньку русские переселенцы-«кунгуряки», выкупив землю у башкир рода «Бала-катай». Они, потомки поморов, бежали сюда из Пермской губернии в конце XIX века от невыносимой жизни в заводском рабстве у богатеев Демидовых на отравленной земле с мертвыми реками и озерами, наполненными ржавой водой, будто кровью. Башкиры, издавна заселившие самые плодородные равнины, продали бедолагам эти предгорья, которые сами не могли освоить. Вот так русская деревенька и оказалась в кольце башкирских поселений.

Вскоре этот изобильный край с обширными лесными угодьями, плодородной землей, полноводной рекой с хрустально-чистой водой, богатой рыбой, и работающим народом стал самым процветающим во всей Уфимской губернии. Деревенька разрослась, застроилась и превратилась в большое богатое село – центр самого крупного района, где и русские и башкиры, мирно соседствуя, стали самыми зажиточными хозяевами во всей округе. Там-то и открылась в 1876 году первая народная школа в губернии, чтобы учить местных ребятишек читать и писать. Перед Первой мировой ввели в ней пятилетнее обучение. И уже при советской власти, в 1936 году, выстроили для нее просторное деревянное двухэтажное здание – школа стала первой в районе десятилеткой.

* * *

Немногочисленные выпускники 1944 года сдавали последние экзамены. В открытые настежь окна второго этажа врывались дурманящие запахи цветущей черемухи, будоража предчувствием чего-то необыкновенного юные души. Скоро конец войне, конец школьным десантам на неоглядных колхозных полях, конец родительскому укороту! Они – уже взрослые! Впереди – такая замечательная жизнь! Можно всего добиться – только захотеть! «Молодым везде у нас дорога...», – как поется в песне. И, конечно, любовь..., обязательно романтическая, не такая, как у всех... Кто же о ней не мечтает? Но и со школой расставаться все же немного грустно.

Школьные учителя, в основном эвакуированные ленинградцы, волновались не меньше своих учеников: как-то сдадут экзамены их подопечные? Хорошо ли они их учили? Отплатили ли они добром родным этих ребят за приют, за то, что не дали приезжим умереть голодной смертью? Ведь некоторым из них – библиотекарям, музыкантам, артистам, писателям, художникам, служащим – пришлось самостоятельно постигать премудрости педагогики, полагаясь на свой жизненный опыт и помощь профессиональных коллег, среди которых была и вузовская профессура. Они старались вложить в учеников все, что знали и умели сами, и не только по своему предмету. Приросли душой к этим самобытным ребятам, по-крестьянски приметливым, хватким и работающим, которые прочно стояли на своей земле, но мечтали покорить весь мир за ее пределами. И все же этих учителей неудержимо тянет домой, в разрушенный Ленинград. Вот окончатся выпускные экзамены, и начнут они собираться в дальнюю дорогу.

Десятиклассница Зойка Попова была почти что хорошисткой и не слишком боялась экзаменов. Ее больше беспокоило то, удастся ли выцарапать справку для получения паспорта – без него никуда не уедешь. Парней-то сразу после школы в армию заберут, а оттуда дорога открыта во все стороны. Если вдруг на войне не убьют или не покалечат. Да уж, наверное, и не успеют они на войну-то. Сельсовет, конечно, может дать направление в институт и оформить все бумаги – ведь району нужны молодые кадры с высшим образованием. Зойкиной старшей сестре Марии такое дали... но только в ближайший сельскохозяйственный.

Мария, очень способная к математике, круглая отличница, учится в институте механизации и электрификации сельского хозяйства уже третий год в прокопченном разноцветными дымами уральском городе, живя в общежитии на тощую стипендию. В каникулы ненадолго приезжает домой подкормиться – скелет скелетом, изможденная, почерневшая мать-любимица и «красавица». Но у родителей, кроме нее и Зойки, еще пятеро ненасытных ртов мал мала меньше. Всех надо поднять на ноги и тоже выучить – ученье-то в старших классах платное. А что ждет сестру после института? Грязная машинно-тракторная станция с грубым мужичьем? Нет, Зойке такая радость не нужна. У нее талант. Голос. Колоратурное сопрано, как говорит живущая у них в доме библиотекарьша-ленинградка. Зойка и на школьных вечерах пела и даже в клубе выступала. Ей надо пению учиться. В консерватории. И обязательно в Москве. Где же еще? Она так решила. Не в колхозе-совхозе же всю жизнь прозябать?

Справку в сельсовете дали. Помог троюродный дядька, который недавно демобилизовался по ранению и директорствовал в местном леспромхозе. В начале августа Зойка засобиралась в дорогу. Да собирать-то особо нечего было: самую ценную вещь в семье – материно зимнее пальто с рыжей лисой, сшитое перед войной на ее премию к медали «Мать-героиня», – та решительно отдала старшей. Эту обиду Зойка бредила в себе всю свою жизнь. Зато ей достался фибровый чемодан с блестящими замками. Старая картошка, шматок сала, несколько луковиц, пяток яиц, мешочек семечек, да испеченные матерью накануне шаньги и «подорожники», прикрытые сверху немудреными одежками, – вот и весь багаж. Сердобольная родня наскребла немного денег на дорогу.

Зойка в белой «модной» беретке на макушке, в суконном пиджачке из списанной зеленой с проплешинами скатерти, позаимствованной у клубного «президиума», в сатиновой школьной юбке, в закрашенных мелом парусиновых тапочках и закатанных баранками чулках «в резинку», наподобие носков, с раннего утра беспокойно выглядывала в окошко леспромхозовскую машину, которая довезет ее до железнодорожной станции Бердяуш. Оттуда она доберется до Златоуста, где ее встретят дальние родственники и посадят на московский поезд. Прощаясь, рыдали как по покойнику – и свои домашние, и набежавшие родственники, подружки и соседи. Куда ее лихоманка несет? За тысячи верст... Только-только восемнадцать исполнилось... Кто ее где ждет в такое беспокойное время? Не сломит ли башку на чужой сторонushке такая своеправная и видная девка? Жизни-то ведь совсем еще не знает... И помощи, на которую тихо

надеялись родители – малых-то поднимать, – тоже теперь от нее не жди... Вырастают детки и разлетаются по свету. Только их и видели... Так уж заведено.

Московский пассажирский брали с боем – время-то все еще военное, вагонов мало, пути забиты товарняками и санитарными эшелонами. «Все для фронта, все для Победы!» Златоустовский родственник, позвякивая медалью «За отвагу!» на выцветшей гимнастерке с аккуратно заправленным за ремень пустым рукавом, пролез в общий вагон, волоча одной рукой чемодан с узелком местных гостинцев, и втащил в окно Зойку, которую с платформы заталкивали в него тетки. «Полезай быстро на третью полку и не выглядывай оттуда!», – скомандовал на прощанье бывший солдат, пробивая себе путь к отступлению. Зойка забилась в уголок и спряталась за своим чемоданом. Проверила застегнутый булавкой потайной карман с деньгами и документами, который мать заставила пришить к поясу юбки с изнанки. Все. Теперь ее отсюда никто не согонит.

Паровоз дернулся, лязгнул, заполошно засвистел, выстрелив черным с искрами дымом, и поплыл, оставляя позади дощатую платформу старинного вокзала с толпой провожающих, чьи голоса слились в один прощальный вой. Рельсы сходились и расходились, пока не нырнули в темный лесной коридор. Народ в старом обшарпанном вагоне понемногу утомился, отводя себе местечко на лавке или в проходе прямо на полу. Возвращались домой эвакуированные москвичи, получившие вызов; добирались в свои разоренные войной края «мешочники», намертво вцепившиеся в бесценную добычу из дальних колхозов; ехали солдаты-отпускники и подлечившиеся раненые из уральских госпиталей... снова на войну. Много было и молодых, кому хотелось повидать мир.

Поезд медленно полз, взбадривая себя сиротливо-тревожными гудками, и часто останавливался, пропуская встречные. В вагоне было душно, в открытые окна летела сажа, пахло скученностью, вонючей сыростью и еле сдерживаемым раздражением вынужденного бездельного соседства. Пронзительно вскрикивали грудные дети, храпели на все лады старики, скандалили визгливые тетки у титана с кипятком, ругались измученные проводницы, спотыкаясь на каждом шагу в заставленном мешками проходе. Молодежь, только что выпорхнувшая из родных гнезд, – такие же девчонки и ребята, как Зойка, – толпилась в тамбуре у открытой настежь вагонной двери, пока их оттуда не гнали. Уже миновали башкирские степи с горящими газовыми факелами. А вот и полосатый столб «Азия – Европа». Паровоз надрывно загудел, окутывая границу двух континентов черным дымом.

На четвертые сутки добрались до Рязани. Еще немного – и Москва! Но состав вдруг отвели на запасной путь на переформирование. Проверка документов. Москвичей – в одну сторону, военных в другую, а всех прочих – в третью. Им-то, «всем прочим», которые собирались в Москве учиться или работать, предложили двинуться на Запад – заселять опустошенные войной районы русскими. Зойка узнала, что пению можно учиться и в городе Львове, где есть знаменитый оперный театр. Ну что ж, в Москву она еще вернется когда-нибудь... известной певицей. Еще об этом пожалеет Москва-то... И повезли весь молодняк на Запад, в таком же раздолбанном общем вагоне пассажирского поезда, почти без остановок. Москву миновали ночью, и ничего, кроме темных громадин домов в слабом свете редких фонарей Зойка не разглядела. Никакого Кремля.

Сразу за Москвой предстала безрадостная картина – сожженные станции, разрушенные города, обугленные леса и поля, ошетилившиеся искореженным металлом. Российские темные избы в затейливых наличниках разбитых окон сменились белеными украинскими мазанками под сгоревшими соломенными крышами. Разруха повсюду. Будто вселенский ураган неведомой силы все разметал на своем пути. На коротких стоянках торговли в вышитых рубахах протягивали пассажирам огурцы, помидоры и редкое на Урале лакомство – румяные яблоки, душистые груши, крупные синие сливы и еще какие-то невиданные фрукты-овощи. Наперекор войне ожили в украинских садах истерзанные снарядами плодовые деревья, дружно зацвели

весной и принесли обильный урожай. И все это – ведрами, за копейки. У Зойки скулы сводило голодной судорогой от такого зрелища. Но страшно было залезать в потайной карман – увидит кто ненароком и вытащит, даже не почувствуешь. Нет уж, лучше семечек погрызть, может, завалялись еще в чемодане...

* * *

Львов, старинный европейский город, освобожденный от врага всего лишь месяц назад, оглушил Зойку невиданным прежде великолепием. Прямо как Ленинград на открытках, которые им показывала в школе училка-блокадница. Немцы Львов почти не бомбили, приберегая для себя. И все же следы уличных боев бросались в глаза повсюду. До войны здесь, на перекрестке древних торговых путей, еще недавно принадлежавшем Польше, безбедно жил настоящий интернационал – «западненцы» – поляки, венгры, украинцы, евреи, русские, белорусы, литовцы и другие. А теперь этот прежде жизнерадостный Вавилон казался вымершим. Одних уничтожили в концлагерях, другие бежали с немцами на Запад, кто-то не пережил голода и мучений военного времени, кто-то погиб, защищая родные стены. И вот теперь город надо наполнить свежей и преимущественно русской кровью. Так решили те, кому из Кремля виднее.

Приехавших временно расселили по общежитиям неподалеку от центра города. На следующий день Зойка отправилась на поиски оперного театра. Выйдя на площадь, она остановилась как вкопанная: ничего прекраснее ей еще не доводилось видеть в своей жизни, даже на ленинградских открытках. Украшенное устремленными к небу скульптурами величественное здание в стиле барокко возвышалось над обломками круглого фонтана в окружении искореженных деревьев и проутюженных танками скверов. Войдя в вестибюль, она зажмурилась от слепящего золотого сияния его убранства. Роскошная мраморная лестница с узорчатой ковровой дорожкой была перекрыта витым бархатным шнуром. Театр не работал. Зойка, увидев сбоку дверь с надписью «Дирекция», робко постучалась.

Нет, Зойку не прогнали из этого сказочного дворца. Даже прослушали. Надменная пожилая дама в старорежимных седеньких буклях, с густо напудренным лицом под черными ниточками бровей, в темном длинном платье с ослепительно белым кружевным воротником, с удивлением разглядывала деревенскую девчонку – будущую претендентку на оперную карьеру.

– Откуда Вы приехали, паненка? Ах, с Урала?! Да-да, мы очень признательны вашим солдатам, которые спасли это уникальное здание, – затрясла буклями хозяйка кабинета, спеша заверить посетительницу в своей лояльности: кто знает, чего ждать от новой власти и новых сограждан. – Такое есть только в Вене и больше нигде во всем мире! – заверяла она. – Уходя, немцы намеревались взорвать его. Театр заминировали: 22 июля город замер в ожидании неправимого. Однако Матка Боска не допустила этого безумия: в последний момент уральские танкисты сумели прорваться к нему и предотвратить его гибель.

«Конечно, надо жить дальше. Театр даже в войну работал, а уж теперь и подавно стоит подумать о будущей смене», – размышляла она. Простодушно-провинциальное невежество в музыке юной русской барышни не смутило бывшую оперную приму, гордую полячку, умудрившуюся пережить все ужасы войны в подвале собственного дома, занятого немцами, и не бросившую свой театр на произвол судьбы. Она обязательно ее прослушает и будет учить, если надо. А вдруг перед ней самородок?

– Прошу Вас к инструменту, – пригласила она девушку следовать за ней. – К сожалению, люстра не горит, но нам это не мешает.

Зойка никогда раньше не видела рояля и даже не подозревала о его существовании. У них в клубе стояло старое расстроенное пианино с пожелтевшими клавишами, оставшееся от раскулаченных хозяев. Все же баян лучше, привычнее как-то... Массивный немецкий

BLUTHNER с бронзовыми канделябрами, поблескивая лаковыми боками, напоминал огромного кита, внушая ей священный трепет.

«А, была-не-была! – решила Зойка. – Сейчас я покажу этой сушеной вобле, что умею петь не хуже ихних худосочных артисточек!»

«Со-о-о-ло-вей мой, со-о-о-ло-вей! Го-оо-ло-сис-ты-ый со-о-оо-ло-вей!» – плеснулось ввысь с сильным оканьем, «по-уральски», петое Зойкой не раз на школьных вечерах под бурные овации неискушенных слушателей. Не дожидаясь аккомпанемента. Зачем? Она и так может.

Опешившая оперная дива в отставке, с трудом скрывая изумление и остро сочувствуя перевернувшемуся в гробу Алябьеву, попыталась остановить Зойку.

– Давайте попробуем для начала гаммы, – неуверенно предложила она.

– Давайте уж, – снисходительно разрешила Зойка.

Оказалось, что у Зойки совсем нет музыкального слуха. Никакого. И пение ее способен выдержать лишь человек с очень крепкими нервами. Конечно, технике исполнения можно как-то научить. Но уши новые пока пришивать не научились. Вот уж точно не самородок.

– Весьма сожалею, паненка, – скорбно потрясла буклями бывшая оперная дива, провожая Зойку к выходу. – Попробуйте себя на другой стезе. Говорят, в сентябре в городе откроют какие-то учебные заведения. Всего Вам наилучшего!

Оглушенная столь неожиданным отказом Зойка присела на остаток скамейки напротив театра и уставилась в пустоту. Что теперь делать? Других планов, как только стать певицей, у нее и в мыслях не было. Деньги почти кончились. Куда податься? Не домой же обратно... На чудом сохранившейся театральной тумбе отчаянно боролся за жизнь листок ватмана, отдираемый неумолимым ветром. Вдруг его развернуло навстречу Зойке: «...проводит набор...». Она рванулась к объявлению: «Львовский институт советской торговли проводит набор студентов на первый курс. Выдается стипендия. Иногородним предоставляется общежитие».

В сентябре во Львове действительно начался учебный год в школах и институтах, а у Зойки – новая жизнь студентки экономико-статистического факультета.

* * *

В группе оказались почти одни девчонки. Местных было мало. Остальные, как и Зойка, приехали кто откуда. Львовские паненки смотрелись чахлыми былинками рядом с их пышущими здоровьем провинциальными сокурсницами из тех мест, куда не докатилась война. Но было в этих девушках что-то такое – такое неуловимо городское, невиданно-инострannое, как в кино, – что хотелось немедленно принять на вооружение: прически с пышным коком надо лбом и витыми локонами, выщипанные рейсфедером удивленные брови, подкрученные горячими ножницами ресницы, маникюр, красивые блузки и платья с высокими плечиками, длинные вязаные жакеты с вышивкой на груди, хитро повязанные шелковые косынки и даже шляпки с ридикюлями, не говоря уж о фильдеперсовых ножках на высоких каблуках. И никаких телогреек с темными грубошерстными платками в крупную клетку и кирзовыми сапогами – неизбежной «моды» военных лет для большинства представительниц «прекрасной половины» огромной страны. Тут уж крепко задумаешься над выбором – картошка в мундире или крепдешиновое платье. Обнищавшие за войну горожане на рынке готовы были за продукты отдать последнее. Можно еще и кровь сдавать за бесплатный обед.

Причин для обновления «гардероба» и своей внешности у студенток оказалось немало: такого количества потенциальных ухажеров, и преимущественно молодых, они не видели всю войну. В городе было много военных – одни прибывали с фронта на краткий отдых, другие, кому еще только предстояло боевое крещение, направлялись туда из глубокого тыла, кто-то долечивался в госпиталях, а кто-то защищал население от немилосердных банд западноукра-

инских националистов, попрятавшихся в лесах после ухода немцев. Уже работал кинотеатр, где показывали трофейные довоенные фильмы и устраивали танцы перед сеансом. В общежитии девчонки выживали коммуной: общий котел – кто что добудет, общие одежки, общая «косметика» – грубый театральный грим, которым приторговывали на рынке оголодавшие служители Мельпомены. Правда, кавалеров в общежитие ушлая вахтерша не пускала, боясь скорого на расправу воинского начальства. За нарушение комендантского часа – расстрел на месте.

Первый курс в Зойкиной группе одолели не все. Кому-то не давалась учеба с вездесущей математикой, кого-то заманили иные перспективы городской жизни вместо голодного студенчества, а кого-то неудержимо тянуло домой из этого чужого беспокойного города. По ночам на улице часто слышались выстрелы, а утром повсюду шептались о каких-то «лесных братьях», которые не щадили не только военных, но и гражданских, особенно приезжих русских. Самостоятельная Зойка, которой еще неведом был страх смерти, даже представить себе не могла, что ее, такую красивую и жадную до жизни, кто-то может этой жизни лишить. Да ни за что!

Первого мая 1945 года институт вышел на демонстрацию с портретами вождей и красными флагами. В пронзительно-волнующем весеннем воздухе уже ощущалось жаркое дыхание скорой Победы. Наши в Германии! Еще немного, еще чуть-чуть... Через пару недель студентам предстояло отправляться на практику – на сельхозработы, но в ночь на 9 мая город будто взорвался – по небу метались лучи прожекторов, не умолкал ружейный треск, где-то бухали тяжелые орудия. Сонные девчонки бросились к окнам. Неужели снова война?! А на улице – люди, целые толпы людей, полураздетых, ошеломленных, которые, смеясь и рыдая, обнимались друг с другом, не обращая внимания на непрерывающуюся стрельбу. Казалось, весь город сошел с ума. И вдруг откуда-то донеслось: «Победа!!! Ура-а-а!!! Германия капитулировала!!!». Девчонки, оттолкнув грозную вахтершу, вырвались на волю. В центре творилось что-то невообразимое – пели, плясали, кричали «Ура!», целовали и качали военных, угощали друг друга самогонкой. Какой уж там комендантский час!

Этот миг невыносимого вселенского счастья люди, дожившие до него, будут потом помнить всю жизнь.

И помчались через Львов на восток неказистые теплушки с демобилизованными – старослужащими, ранеными, увечными инвалидами и теми, без кого никак не обойтись в разоренном хозяйстве страны. А молодых еще поджидал затаившийся Дальний Восток. В город прибывали части, воевавшие на Карпатах, в Польше, Венгрии и Чехословакии, на переформирование. Львов все еще оставался на военном положении, но жизнь брала свое, упорно пробиваясь к светлому и непременно радостному будущему, как травинка между булыжниками мостовой. На улицах замелькали парочки, женщины вспоминали подзабытую горделивую походку, варили губную помаду и тушь для ресниц, шили из дефицитного парашютного шелка наряды и готовы были жизнь отдать за кусок трофейного туалетного мыла. В Народном доме, открытом для офицеров, устраивали выступления артистов, просмотры трофейных фильмов и танцевальные вечера. О буфете, обслуживавшем этот олимп городской культурной жизни, ходили легенды. Попастъ вечером в Народный дом было несбыточной мечтой, и девчонкам оставалось лишь ловить волнующие звуки музыки, доносившиеся из его настежь открытых дверей.

В июле студентов отпустили на каникулы. Всего на месяц. Домой ехать было не на что, и Зойка решила подработать денег в госпитале на теплый осенний жакет. Работа тяжелая, кругом кровища, вонь, стоны раненых и... смерть. Неприглядная, не героическая, как в газетах, и беспощадная, особенно к молоденьким. Но в госпитале персонал кормили. Почти досыта. И это главное. Проворная, сельской закалки, Зойка-санитарка с утра до ночи носилась по палатам, мыла, убирала, ворочала раненых, разносила им алюминиевые миски с едой и подавала судно лежачим. Молодые ребята стеснялись ее и крыли матом сквозь слезы. Зойка не обижалась. «Старики» девку жалели и подкармливали потихоньку сахарком.

В одной из палат лежал пожилой капитан. Сильно за тридцать. Он ни с кем не разговаривал, ничего не просил и от Зойкиных услуг отмахивался, как от осенней мухи. Капитан был уже «ходячий» – костыль помогал ему сохранять некоторую независимость. Как-то Зойка вышла на крыльцо вдохнуть свежего воздуха и услышала рядом:

– Девушка, вы так похожи на мою жену... Она погибла в Ленинграде при бомбежке вместе с сыном. И у меня теперь – ни дома, ни семьи. Ну зачем я выжил?! Под Прагой долбануло... Думал, ноги оторвало... Вытащить успели из пекла... А зачем, когда их нет?!

– Не расстраивайтесь, больной, – привычно затараторила Зойка. – Вам нельзя волноваться, доктор сказал, что вам еще лежать надо. Идите в палату, а то меня из-за вас заругают. Я к вам потом приду, как освобожусь.

Зойка пришла к нему вечером и дежурно поинтересовалась, не надо ли чего капитану принести. Тот тяжело вздохнул, взял ее за руку, всю в цыпках от холодной грязной воды, и тихо спросил:

– Ты поедешь со мной? Меня скоро выписывают. Наверное, сразу демобилизуют. К родителям хочу отправиться, под Тулу. Ты не думай, я обратно на завод пойду, хоть и с костылем пока. Построимся потихоньку, хозяйство заведем, огородишко. Детей нарожаем. Вон сколько народу-то побило... Обижать тебя никому не дам и сам никогда не трону. Будешь мне вместо прежней жены, будто она и не погибла вовсе.

Зойка молчала, кусая от обиды губы. А где же то неземное, о чем так сладко мечталось в ночной тиши студенческой общаги? Где жаркие поцелуи под луной и то великое женское таинство, о чем шепчутся девчонки, где клятвы и заверения любить ее до самой смерти и носить на руках, осыпая подарками? Неужели все это – только в книгах и кинофильмах? А свое хозяйство... Она, деревенская девчонка, прекрасно знает, что это такое. Нет уж, не для того она уехала из дома, чтобы снова копаться в навозе, да всю молодость ходить с пузом, рожая одного за другим, как ее мать. Зойка подняла на капитана злые глаза, полные слез. Тот помрачнел:

– Ты не обижайся на меня. Где уж мне ухаживать-то, не мальчишка ведь безусый... Да еще и калека теперь. Прости, если что не так сказал. Не поминай лихом. Видать, тебе другая судьба поблазнила.

Глава 2. Капризы любви

А любовь неземная не заставила себя ждать. Зойка в новом шикарном жакете, купленном на рынке у белокурой, чахоточного вида польки, отправилась с девчонками на танцы. Жакет произвел впечатление: Зойку наперебой приглашали вальсировать, и она порхала, любуясь собой в огромном зеркале зала – такой стройной девятнадцатилетней барышней, зеленоглазой, чернобровой, разбурявшейся, с обаятельной белозубой улыбкой и красивыми каштановыми локонами. Объявили последний танец. И тотчас она почувствовала чью-то крепкую руку на плече:

– Вы танцуете со мной, – приказал высокий лейтенант, не дав ей опомниться и пококетничать для приличия.

Саша-лейтенант

Они кружились, заворуженно глядя друг другу в глаза и не замечая ничего вокруг: «О, Рио-Рита!». Музыка смолкла, народ потянулся в зрительный зал. Лейтенант, не выпуская Зойкиной руки, увлек ее на последний ряд. Какой тогда шел фильм, они потом так и не вспомнили. «Это он!» – задохнулась от предчувствия неизбежного Зойка, ошеломленная боевым натиском бравого вояки, который прошел госпитальную школу скороспелых любовных утех с медсестричками. Потом он провожал ее в общежитие, и как-то нечаянно они миновали его, оказавшись вдруг в старинном особнячке, где временно разместили подчиненных лейтенанта. Квартирная хозяйка заговорщически взглянула на них и указала на дверь под лестницей. «Я делюсь с ней своим офицерским пайком, не бойся, она нас не выдаст», – шепнул Зойке лейтенант.

В каморке под лестницей стояла рассохшаяся деревянная кровать с резными спинками. Из темного угла на вошедших печально смотрела Матка Боска. В мгновение ока Зойка оказалась без жакета и юбки. «Хорошо, что догадалась надеть вместо страшных штанов “с длинным рукавом” и кургузого лифчика красный трикотажный купальник». Эту довоенную роскошь ей выдали в гимнастической секции, строго наказав не носить его вместо нижнего белья. Только она успела подумать об этом, как ее купальник взвился алым стягом над кроватью и приземлился на лампе, наполнив комнатушку причудливыми тенями. Больше их ничего не сдерживало. Их молодые сильные тела свились в кокон, упиваясь жгучей радостью обладания, и парили где-то в горних высях, забыв о войне, смерти, страданиях, голодухе и завтрашнем дне с его непредсказуемостью. У них не было общего прошлого и ясного будущего – только это пронзительное сиюминутное настоящее под чужой крышей. Щедрое изобилие неистраченной любви, ниспосланное им свыше. Дар, назначенный миллионам сердец, обрушился ливнем на тех немногих, кто выжил.

Лейтенанта звали Александром. Его призвали в августе 41-го после третьего курса энергетического института. Он коренной москвич. С Красной Пресни. На войну его провожали всем двором, надеясь, что к началу следующего семестра он вернется с победой домой. Ему повезло не погибнуть в мясорубке под Москвой – отправили на краткосрочные офицерские курсы. И вот теперь, когда он умудрился выжить в этой страшной войне и серьезно не покалечиться, отделавшись тремя ранениями, а до его дома с измученными ожиданием родными – всего трое суток пути, их часть держат здесь. Ходят слухи, что отпустят только после Нового года. А Зойка в душе радовалась тому, что ее Саша пока останется во Львове. До зимы еще много времени. Они все успеют решить... Но судьба, распалив в ней мечты о близком счастье, распорядилась иначе, полагая, что с нее и этого довольно.

В сентябре студентов отправили на практику. Закрепление теории статистики на раскисших от дождей колхозных полях затянулось на целый месяц. Ребят поселили в полуразрушенном колхозном «клубе» с наспех залатанной крышей и забитыми досками окнами ввиду отсутствия стекол. Украшенная изразцами голландка – последняя роскошь, оставшаяся от бывшей барской усадьбы, источала мертвенный холод. Для обогрева им соорудили буржуйку, и вечерами после работы вокруг нее сушили телогрейки и кирзачи. Вместо кроватей – мешки, набитые соломой. Из еды – картошка с кислым молоком и серый непропеченный хлеб с мутной похлебкой из требухи. Городские очень скоро начали болеть, но домой никого не отпускали.

Местная повариха, ленивая, неряшливая, рыхлая матерщинница с редкими соляными патлами и вечным огородным «маникюром», не баловала студентов кулинарными изысками. Утром ребята ели вчерашнюю картошку в мундире, запивая ее морковным чаем, и шли на поля, мечтая о горячей вечерней похлебке. Повариха «на работу» не больно-то спешила: дома огород, скотина, какое-никакое хозяйство – все надо обиходить, а эти городские неженки подождают. Не баре. Дежурные, которых выделяли ей в помощь, таскали воду из колодца, топили печку и отскребали песком закопченные чугунные котлы. Насмотревшись на повариху, которая орудовала у печки в исподнем, не знавшем стирки, и на то, как и из чего она «готовила», даже самые голодные не могли потом есть. Так и питались почти всухомятку. Из обещанного заработка у ребят еще и вычли за этот «полный пансион».

Наконец колхозные мучения закончились. Студентам выдали по мешку картошки, а деньги пообещали прислать в институт позже. Добравшись до общежития на перекладных, девчонки первым делом помчались в баню смыть с себя даже само воспоминание об этой «практике». В общежитие вернулись заметно похорошевшими и нарядными, вот только заскорузлые руки какое-то время придется поносить в карманах – не в керосине же их отмывать! Вечером устроили пир горой – отоварили сэкономленные продуктовые карточки, выложили на общий стол содержимое посылок от родни и даже закупили на рынке дешевого яблочного сидра. Пригласили выпить и комендантшу, чтобы поговорчивее была. Тетка пришла, грозно оглядела праздничный стол и поинтересовалась:

– А че, самогонки-то нету? Я эту кислятину-то не пью, живот с нее больно пучит. Разве что немного... Ну хоть закусю, раз выпить нету, – вздохнула она, заграбастывая тарелку с аппетитным розовым салом, нарезанным деликатными кусочками по числу участников застолья.

Девчонки раскраснелись, слегка опьянев – больше от долгожданной сытости, чем от сидра, – и завели песни. Зойка, забыв, что у нее совсем нет музыкального слуха, голосила громче всех. Ее переполняло ожидание сладостного мгновения – завтра она увидится, наконец, с Сашей! Распаленное воображение рисовало ей ликующие картины – он бежит ей навстречу, раскинув руки: «Любимая! Я не могу прожить без тебя и дня! Я твой навеки! Мы никогда не расстанемся с тобой, до самой смерти! Будь моей женой!». Он крепко целует ее (или сначала стихи, что-то любовно-восторженное из полузапрещенного Есенина?), заключает в объятия (что, прямо на улице?), и они бегут, бегут (куда? а, неважно куда) ... в комнатку под лестницей. А может быть, прямо в ЗАГС (не забыть бы паспорт захватить на всякий случай)? Но ему, наверное, сначала надо к своему генералу, получить разрешение? Как-то ведь женятся военные? Ой! А что надеть-то?! Зойка очнулась от своих грез. Кругом тишина. Девчонки разошлись. Ночь на дворе. Все – завтра. Она так решила.

Кое-как высидев последнюю лекцию, Зойка выпорхнула из института и торопливо зашагала в сторону Сашиной службы. Прежде она не осмеливалась туда приходить, но ждать до вечера, надеясь встретить его на танцах в клубе, где они обычно бывали с ним, у нее не было сил. Вот и знакомые железные ворота с красной звездой. На КПП молоденький солдатик не мог взять в толк, кто ей нужен. Он что-то тараторил по-украински и наконец сумел объяснить, что часть расформировали недели две назад в связи с демобилизацией. Из старослужащих никого не осталось. Сейчас здесь одни новобранцы. Нет, начальство он вызвать не может. И ей туда

тоже нельзя. Не велено никого пускать. Ну, что ж, оставался еще особнячок, где квартировал Саша. Может, он оставил для нее письмо у хозяйки? Конечно, как она сразу не догадалась, глупая! Вспыхнувшая надежда быстрее ветра помчала ее к их гнездышку. Звонок не работал. Зойка робко постучалась.

– Здравствуйте, пани! Вы не знаете, где сейчас Саша? Куда он уехал? – спросила она с дрожью в голосе. – Может, он мне письмо оставил? Вы меня помните? – хваталась Зойка за последнюю соломинку.

Открывшая дверь женщина смотрела на нее молча, делая вид, что не узнает.

– Нэт, нэт. Я ничто нэ знаю. Никаких Саша здэсь нэт никогда, – твердила она, надменно поджав губы и окидывая пришедшую кацапку взглядом, в котором смешались жалость и презрение, сочувствие и злорадство: «Так и надо этой холопке, не будет таскаться по чужим постелям».

Но женское сердце хозяйки, все еще помнившее первый жар своей юности, оплакивало вместе с этой дурочкой ее незадачливую любовь, подрубленную на корню легкомысленным лейтенантом. Хотя и Сашу понять можно: у него, молодого и сильного, вся жизнь впереди – учеба, работа, карьера. Ему еще рано вешать себе на шею семью. И любовь не пройдет мимо него. Сколько прекрасных юных дев на его родине будут добиваться благосклонности такого бравого молодца!

– Пани, голубушка, может, хоть записочка где завалилась? Не мог же он так просто уехать?

– Мог, – безжалостно заявила «пани». – С мужчинами это бывает. С глаз долой – из сэрдца вон. Так говорит ваш пословица. Нэ плачь. Все пройдет.

Зойке показалось, что она умерла. В голове стеклянно звякнуло, сердце рванулось к горлу, на мгновение замерло и ухнуло вниз. Ноги пошли куда-то сами. Она равнодушно смотрела на себя, скукожившуюся от невыносимого горя, будто со стороны. За что с ней так? «Милый, что тебе я сделала?» Вот и она теперь узнала, как мучителен этот вопрос, который задают своим любимым тысячи покинутых женщин на Земле. Вопрос, на который нет ответа.

Девчонки в общежитии жалели ее, старательно скрывая невольное злорадство, – чужое счастье всегда глаза застит. Зойка по-прежнему ходила в институт, сидя истуканом на лекциях и ничего не воспринимая. Ей вдруг все опротивело – и сам город, такой высокомерно-западный, несмотря на разруху, и институт с чертовой статистикой, от которой с души воротит, и общага с этими ехидными дурами. Даже небо, недоброе, в тяжелых рыхлых тучах, норовило расплющить ее без всякой жалости. Но не возвращаться же домой, на Урал!? Нет! Она еще всем докажет! Она добьется своего! Что именно докажет и чего добьется, Зойка не уточняла. Какая разница? Добьется, и все тут! Они все еще от зависти лопнут!

* * *

Зима во Львове – одно название, слякоть и морось. Не то что на Урале. Впереди замаячила неотвратимая сессия, не оставляя Зойке времени на жестокие страдания, которые так сладко было мусолить перед сном. Незаметно подкрался Новый год. Зачеты – зачетами, а предпраздничная суета не обошла и ее стороной. Студентки мастерили себе немыслимые наряды из подручных материалов: в ход шли даже пыльные довоенные шторы, те еще, из буржуйской жизни старинного особняка, в одночасье превращенного новой властью в студенческое общежитие. Зойка, поддавшись общему гону, критически взглянула на свои немногочисленные одежды и решительно взялась за ножницы. Шедевр деревенской портнихи, который ей дома «справили» на восемнадцатилетие, лишившись широких длинных рукавов и глухого ворота, превратился с помощью газовой косынки в декольтированное вечернее платье с воланами по подолу.

Институтское начальство девичьих ожиданий не обмануло: 31 декабря в актовом зале состоится новогодний бал с приглашенными военнослужащими. Можно приводить и своих кавалеров, у кого есть. Зойке теперь приглашать было некого. К восьми часам вечера в вестибюле института было не протолкнуться: возбужденные нарядные студентки постреливали глазами по сторонам, где чинно курили гости, поблескивая наградами. Запах дешевой пудры и самодельной «косметики» соперничал с неистребимым ароматом сапожной ваксы и тройного одеколона.

В актовом зале стояла огромная елка, вся в бумажных гирляндах и разноцветных стеклянных шарах, которые местные преподаватели принесли из дома. Свечи зажигать не решились – мало ли что? Портреты великих экономистов, взиравших со стен на своих потомков, украшали еловые ветви. Над сценой – огромный Сталин, скопированный, видимо, с портрета известного ученого и путешественника Н. М. Пржевальского, свысока смотрел на свой же профиль на противоположной стене, где он был замыкающим в команде великих революционеров – Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. Когда на сцене самодеятельные артисты рьяно исполняли народные пляски, полотно портрета сотрясало им в такт, заставляя вождя выделять такие гримасы, от которых зрителям становилось не по себе.

В вестибюле прокладывали себе дорогу в толпе медные трубы и барабан – прибыл духовой оркестр! Пока музыканты располагались на сцене, на кафедру поднялся директор института в номенклатурном одеянии не нюхавших пороха «назначенцев» – в полувоенном френче из дорогого офицерского сукна, синих галифе и хромовых сапогах. Произнеся казенную мантру про Отца народов, Коммунистическую партию и Советское правительство, он скороговоркой поздравил всех с наступающим Новым годом (кто его знает, как на это власти посмотрят: праздник-то старорежимный...) и объявил бал открытым. Оркестр грянул «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь!», заглушая нестройный хор оробевших от неожиданности гостей. Наконец торжественная часть закончилась, директор с профессурой благоразумно отправились по домам, строго наказав остающимся за «старших» молодым преподавателям разогнать народ к трем часам ночи и проследить за порядком.

И тотчас волшебные «Дунайские волны» закружили пары в упоительном вальсе, затем их подхватили «Амурские волны» – как гимн неиссякаемой любви на этой Земле. Создатели этих вальсов знали в ней толк, посвятив свои не стареющие произведения любимым женщинам, с которыми им не суждено было соединиться, – чужим женам. Потом танцевали популярное танго «Рио-Рита» и модный фокстрот, кто как умел, а когда иссякла фантазия духового оркестра, завели патефон. Превозмогая шипение заезженной иглы, сладкоголосый Александр Вертинский пел о бананово-лимонном Сингапуре-пуре-пуре, его сменил Петр Лещенко со своей разудалой цыганщиной, а после отечественных эмигрантов-«запрещенцев» и вовсе зазвучало неслыханное – это гости прихватили с собой на праздник «сувениры», привезенные из покоренной Европы. Студенткам было весело и немножко жутковато от такой «вседозволенности».

Зойка, красивая, с гордо поднятой точеной головкой на длинной белоснежной шее, смотрелась настоящей павой рядом со своими однокурсницами-простушками. Казалось, что она никого и ничего не замечает вокруг. Ее, в очаровании томной грусти по утраченной любви, наперебой приглашали кавалеры, заинтригованные единственным на этом балу декольте в боа из ниспадающих каштановых локонов, которое выгодно подчеркивало соблазнительные девичьи прелести. Они чуяли в ней какую-то волнуемую тайну, глубоко пережитое сердечное страдание, что всегда притягивает мужскую особь, как мотылька на огонек («Почему бы не воспользоваться? Кто-то уронил, а я подберу...»). Зойка небрежно подавала руку, как для поцелуя (так делали шикарные дамы в кино), и позволяла кружить себя в танце, не выказывая при этом никакого интереса к партнеру. Она и не заметила, что какой-то щуплый лейтенантик не отходит от нее ни на шаг весь вечер.

В общежитие под утро девчонок провожала большая компания. Тихо падал мягкий снежок, укрывая белым кружевом следы недавних разрушений, будто и не было никакой войны. Вот и наступил новый, 1946, год. Что он принесет? Неужели ей больше не быть счастливой? Зойкина старшая подруга с последнего курса, веселая разбитная Танюха, утешала ее, делясь своим «взрослым» опытом: «Клин клином вышибают. Заведи себе другого – сразу полегчает. Вон сколько их сегодня набежало. Не теряйся!». Танька, слегка под хмельком, повиснув на руке своего провожатого, вдруг визгливо, по-деревенски, затянула: «На то она и первая любовь, чтоб вслед за ней пришла очередная!».

– Тише, ты, балда! Вдруг патруль нагрянет, – попридержала ее Зойка, испугавшись больше не патруля, конечно, а нежелательных ушей новых знакомцев.

И правда. Сколько можно страдать? У нее вся жизнь впереди. Она молодая, красивая, умная – так неужели останется без женихов? Да ни за что! Вот и сейчас кто-то все порывается взять ее под ручку. Зойка искоса взглянула на шагавшего рядом парня. Да это же тот шуплый лейтенантик, который терпеливо дожидался, когда ее возвратят после танца на место более удачливые кавалеры – brave широкоплечие и рослые молодцы. Откуда было Зойке знать, что именно такие вот мелкие шустряки, как этот воздыхатель, и завоевывают самых красивых женщин, проявляя невиданные таланты в любовных делах. «Ну пусть будет такой, вроде бы даже очень симпатичный. Кудрявый чуб задорно выбивается из-под фуражки. И, видно, смелый – вон орден какой-то блестит и медали позвякивают... – размышляла Зойка. – Кажется, его Юрой зовут. Красивое имя. Жалко, что не москвич, как Саша. Но вроде живет где-то в пригороде столицы».

Перед самым общежитием лейтенантик все-таки завладел Зойкиной ладошкой и быстро поцеловал ее. Конечно, не так, как в кино, ну да ладно. Потом он приходил к ней почти каждый день. Их восемнадцатую армию, прибывшую из Праги, вскоре должны были расформировать, поэтому на вечерние отлучки младших офицеров начальство смотрело сквозь пальцы. Через пару недель после Нового года Юра пригласил Зойку с Танюхой на проводы своего фронтового друга, демобилизованного одним из первых. Собрались в каком-то частном доме на окраине. Выпили немного. Потанцевали в полумраке небольшой комнаты под трофейный аккордеон, на котором прилично играл отъезжающий. Танюха облепила его всем своим «добром» и горько сетовала на то, что он так внезапно ее покидает. Оказалось, что у них был скороспелый бурный роман, обошедшийся, к счастью для нее, без последствий. Юра времени даром не терял – не зря служил в разведке. Как-то незаметно они с Зойкой оказались наедине, и лейтенантик перешел от невинных поцелуев к более решительным действиям. Зойка, неожиданно для себя, загорелась... и как в омут с головой. Ей представилось, что она вновь с Сашей в уютной комнатухе под лестницей, где на них сочувственно смотрела из темного угла скорбная и все понимающая Матка Боска.

Зойке повезло меньше, чем Танюхе, которая знала кое-какие женские секреты и не теряла голову в ответственные моменты. Ничего кардинального предпринять было нельзя: в больницу не возьмут – запрещено послевоенным законом (надо восстанавливать народонаселение), подпольные благотельницы, если не угробят, подведут под тюрьму. Все-таки когда-нибудь у нее, наверное, будет семья, пойдут дети... А их может и не быть, если она сейчас что-нибудь сотворит с собой: так ей врач сказала на станции переливания крови, куда Зойка с девчонками захаживала в периоды жестокого безденежья. Оказывается, у нее какой-то отрицательный резус крови, и ей первенца надо обязательно родить, чтобы можно было рассчитывать на продолжение. Зойка пригорюнилась. Она вызвала Юру из части и тут же у проходной сообщила ему оглушающую новость. Нельзя сказать, чтобы лейтенантик запрыгал от счастья, но и отнекиваться не решился – он пока еще человек военный.

Подмосковный Юра

До войны Юра жил с родителями в уважаемом подмосковном поселке старых большевиков и прочих заслуженных деятелей, откуда и ушел на фронт добровольцем в июле 1941-го, спустя месяц после своего семнадцатилетия. Их девятый класс во главе с учителем отправился на призывной пункт прямо со школьного двора. Ошеломленную известием маму он попросил ничего не говорить строгому отцу. Юра был единственным ребенком в семье, но это ничего не значило, если весь класс, даже не комсомольцы, решил идти на войну. Ребятам определили в истребительный батальон. В палаточном военном городке в Раменском, куда «бойцы» добирались на электричке, им выдали винтовки Мосина и стали готовить по ускоренной программе – война дышала уже в затылок. Щуплый Юра, вечный левофланговый, не дотягивал ростом до своего грозного оружия Первой мировой, но больше всего его удручали занятия по физической подготовке – это не по заборам лазить в соседские сады за яблоками.

Их, семнадцатилетних, почти что с законченной десятилеткой, все-таки поберегли, разбросав по военным училищам. Те же, кому пришлось первыми заслонить собой Москву – и армейские, и столичные ополченцы, так и остались на полях сражений. Юре выпало пехотное училище, и к Новому, 1942, году новоиспеченный младший лейтенант отбыл на передовую. Хлебнул лиха досыта. Служил в разведке – пригодилось то, что хорошо бегал на лыжах и прилично знал немецкий, был и шифровальщиком, пройдя спецподготовку в Хабаровске после очередного ранения. Познал и горечь отступления, и ужас окружения, и томительное ожидание в обороне, ходил в наступление – и выжил после ранения, потеряв почти всех своих однополчан. Пять раз его возвращали к жизни в госпиталях и... заштопав, вновь отправляли в пекло. Под Будапештом казалось, что такого ада ему больше не пережить. Обидно было умирать в марте 1945-го – война-то кончается! Но опять отделался ранением. И выжил!! Надеялся, что после Победы сразу демобилизуют. Но поговаривали, что самых молодых могут командировать на Дальний Восток воевать с самураями.

Однако с Японией справились и без него, а Юра оказался военным комендантом в Станиславе, под Львовом, где пришлось повоевать с «лесными братьями», которые зверствовали на этой земле, не щадя никого. Орден Красной Звезды он получил именно там. И все же мысленно он видел себя уже на гражданке. Все его сослуживцы ждали увольнения в запас, строя планы на мирную жизнь. Юра уже написал домой, что его обещали отпустить вскоре после Нового года. Он видел себя идущим по поселку в распахнутой шинели и в кубанке набекрень, из-под которой выбивается задорный кудрявый чуб, а прохожие оглядываются на его поблескивающие на груди награды и восторженно ахают. И может, кто-то из ребят вернулся... И, конечно, школьные подружки посмотрят на него уже не как на мелочь пузатую... Но вот теперь возникли новые обстоятельства... Сообщить родителям о его скороспелой женитьбе или оголошать их на пороге дома?

Родные у Юры непростые: папа, сын известного московского парикмахера, которому в числе немногих евреев было даровано царским указом право покинуть черту оседлости и поселиться в Москве, рано остался сиротой. После пятого класса петербургского реального училища он вынужден был сам зарабатывать на жизнь репетиторством, трудился корректором в разных типографиях, где и напитался революционными идеями, а в 1918 году поступил на курсы Реввоенсовета и четверть века прослужил в органах. В Гражданскую воевал в Первой Конной, в 20-е годы работал в ЧК в Киеве, на Дону и Кубани, а затем выполнял спецзадания в Германии, Дании и Персии. В 30-е – 40-е работал в ОГПУ Белоруссии и Москвы, а затем его назначили одним из руководителей Дмитровлага, строившего канал Москва-Волга. Пришлось ему поработать и помощником прокурора Москвы, и юридическим консультантом в Раменском. Когда началась Отечественная война, вступил добровольцем в истребительный батальон,

но к концу 1941 года его призвали управлять лагерями – в Заполярье, затем в подмосковных Люберцах. После войны, в конце 1945-го, он вышел на пенсию по инвалидности и депутатствовал в своем районе. Мама Юры – бывшая курсистка, была типичной женой военного – куда он, туда и она. К тому же они евреи. Как и сам Юра. А невеста – русская.

Их быстро расписали, и Зойка приобрела новую звучную фамилию. Правда, больше ничего. Они по-прежнему жили врозь, ожидая решения Юриной военной судьбы. Наконец в начале марта его демобилизовали, и они стали собираться в дорогу. Зойке выдали в институте справку для перевода в московский профильный институт и последнюю стипендию. «Знающие» люди посоветовали им закупить в предместье Львова на все наличные деньги яблок, которые, по их словам, в голодной Москве «оторвут с руками». Ящики с этими несчастными фруктами они потом выкидывали по дороге по мере их гниения в душном общем вагоне – поезд в Москву не спешил, подолгу останавливаясь у каждого столба. Время в пути молодые даром не теряли, сочиняя «легенду» происхождения новоиспеченной жены. Так ее уральские рабоче-крестьянские родители в одночасье сделались трудовой интеллигенцией, чтобы хоть немного соответствовать новым родственникам. Им и в голову не приходило, что Юриному папе не составит большого труда выяснить истину.

Все случилось так, как видел в мечтах Юра: он шагнул от станции к родному дому в распахнутой шинели и кубанке набекрень, и прохожие смотрели вслед с восторгом и... любопытством: через плечо у него болтались два фибровых чемодана, как у обычного мешочника, а за ним поспешала статная девушка с большим узлом. Вот и поворот к их угловому участку на Октябрьской улице, огороженному сеткой из металлических полос. Мерно поскрипывали высоченные сосны, голубоватые в ранних сумерках шапки снега укрывали кусты крыжовника вдоль забора, плавно опускаясь на землю, на кирпичной дорожке, упиравшейся своими «елочками» в высокое крыльцо, кружилась поземка. Собачья будка пустовала. Уличный фонарь на доме не горел, второй этаж казался вымершим, жизнерадостные прежде цветные витражи на веранде первого этажа будто ослепли и лишь из глубины дома – из кухни, понял Юра, – струился слабый свет. Он вдруг схватился за калитку и стал медленно оседать в сугроб.

Зойка оробела. Вот так вояка: войну прошел, а у родного дома – в обморок. Ее и саму ошеломил этот необычной формы двухэтажный дом из темного бревна с затейливыми башенками, балконами и верандами из разноцветного стекла. «Таких даже во Львове нету», – мелькнуло у нее в голове. Неужели ей предстоит здесь жить? О таком она даже не мечтала. Они с Юрой, конечно, поселятся на втором этаже. Не со стариками же внизу! Юриным родителям в ее грандиозных планах места пока не находилось. Наконец Зойка спустилась с небес на землю и принялась трясти своего мужа. Скрипнула калитка – и тотчас на крыльцо выскочила раздетая миниатюрная женщина, у которой под ногами крутилась белая пушистая болонка. Она, рыдая, повисла на Юре, собачонка с визгом бросалась им в ноги, чемоданы с грохотом слетели вниз по ступеням, где и успокоились, разинув рты. На этот невообразимый шум вышел высокий статный господин с седой шевелюрой и орлиным носом. Он как-то смешно сморщился, схватил в охапку Юру и потащил его в дом. Женщина взглянула на чемоданы, махнула на них рукой и поспешила загнать в дом собачонку. Закрывая стеклянную дверь веранды, она обернулась и увидела Зойку, которая наблюдала за этой душераздирающей сценой, стоя у калитки, в тени. «Здравствуйте», – растерянно произнесла женщина и, видимо, чуть не спросила: «Вы к нам?» Вскочивший Юра, уже без шинели, вовремя спас положение:

– Это моя жена Зоя, – с запинкой произнес он. – Я вам писал, кажется...

Немая сцена оказалась непродолжительной ввиду усилившегося мороза и наступления полнейшей темени. Интеллигентная Юрина мама, всхлипывая и вздыхая, вспомнила о гостеприимстве и побежала на кухню ставить чайник. Отец молча смотрел на Юру и не мог поверить, что этот бравый молодец с орденами и медалями на груди и есть его поздний долгожданный ребенок, которого он помнил невысоким узкоплечим ласковым «маменькиным сынком».

Еще и женился! Когда же это он успел? И зачем?! В двадцать один-то год! Ни образования, ни профессии... Да еще на русской... Для матери такой удар... Она, не чаявшая в нем души, так ждала его, мечтала, что он поступит в университет, станет юристом, как отец, и ему к тому времени подоспеет достойная юная партия... На какие средства они будут жить? На что рассчитывают? На родителей? «Все это ляжет теперь на меня, – думал отец. – А долго ли я еще смогу их содержать? Время-то какое беспокойное, особенно для евреев... Еще не хватало, чтобы у этой барышни с родней было что-то не так. Меня тогда уж точно выгонят из партии, теперь уж навсегда, вспомнят исключение в 34-м, когда пострадал за сослуживцев, пытаюсь спасти их от расстрела. Через год, правда, разобрались и восстановили. А может быть и хуже».

Услышав переполох в доме, из своего угла выплыла бабушка Рая, надменная барыня в пенсне, и протянула Юре руку для поцелуя, делая вид, что не узнала его. Он обнял ее и расцеловал в напудренные морщинистые щеки, прошептав на ухо какой-то комплимент по-немецки. За чаем немного разговорились: тактичная мама сглаживала острые углы и умело поддерживала беседу, не сводя влюбленных глаз со своего заметно возмужавшего сыночка. Зойка протараторила заученную в поезде легенду о родителях – папе-инженере на заводе и маме-учительнице – и погрузилась в чаепитие, боясь нечаянно разбить хрупкую фарфоровую чашечку, из которой так и норовила выпасть серебряная ложечка. Ей очень хотелось взять еще один кусок белоснежного хлеба с толстым слоем сливочного масла, от одного аромата которого у нее кружилась голодная голова, но она постеснялась.

– Пожалуйста-пожалуйста, – подвинула поближе блюдо с бутербродами Юрина мама. – Ешьте на здоровье, у вас такой замечательный аппетит!

Растроганный Юра сидел рядышком с родителями, как когда-то в детстве, и совсем забыл о Зойке. Неужели он дома? Не в окопе, не в госпитале и даже не во львовской казарме? Какое это счастье! Ему казалось, что теперь, после такой страшной войны, в которой он уцелел, это счастье будет длиться вечно, и ничто не сможет омрачить его. Родители живы, их прекрасный дом, хотя и разрушенный и разграбленный в отсутствие воевавших хозяев, да и весь поселок не достался немцам – их почти не бомбили. Все будет хорошо – он сдаст экстерном за десятый класс и поступит на исторический, как когда-то мечтал.

Идиллию нарушила Зойка, которой давно не терпелось в туалет, и она не знала, как обратить на себя внимание. Юра встрепенулся и повел ее показывать дом.

– Вот тут кухня, тут туалет и душ, а там еще комната бабушки и вход на другую половину, а за кладовкой лестница на второй этаж.

– А где наша комната? – простодушно спросила Зойка, направляясь к лестнице.

Юру ее вопрос поставил в тупик, а его родители молча переглянулись.

– Второй этаж принадлежит нашему соседу, а другая половина дома закрыта, мы там не топим, дрова и уголь экономим, нам-то и здесь места хватает, – пояснила Юрина мама, – придется вам временно расположиться в проходной гостиной.

– Да какая тебе разница? – смеялся Юра. – Главное – мы до-о-м-а! – пропел он, хотя тоже обратил внимание на то, что их замечательный дом как-то сильно «постарел» за войну.

* * *

Юра и не знал, какая беда приключилась с их зимней дачей. Конечно, дом не разрушила немецкая бомба, но от прежнего его великолепия за войну почти ничего не осталось. Отец Юры, купив в 38-м земельный участок в семнадцать соток по соседству с коттеджем родственников самого В. И. Ленина, почти три года строил его по лучшим европейским образцам, насмотревшись в загранкомандировках на «красивую жизнь». Правда, денег на весь дом не хватило, и второй этаж пришлось предложить знакомому офицеру, которому понадобилась дача. Но грянула война. Офицера призвали на фронт, а его жена с тещей отправились в эваку-

ацию. Юра сразу же ушел добровольцем, а его отец, прослужив несколько месяцев в подмосковном истребительном батальоне рядовым, отправился по приказу в Заполярье руководить лагерями. Для того чтобы пустующий дом не пропал, Борис Юрьевич, получив разрешение своего соседа, сдал его в аренду местной артели. Когда в 45-м они вернулись в поселок, оказалось, что жить-то им и негде: артель выселяться не желала, писала пасквилы в разные инстанции и довела хозяина дома до первого инфаркта.

В доме больше не было ничего, что не удалось вырвать с корнем и уничтожить – ни ванной комнаты, в которой разместились слесарная мастерская, ни умывальника с красивыми никелированными кранами, ни самой ванны, которая валялась теперь ржавая на заднем дворе, ни туалетов на обоих этажах, ни кухонной утвари, ни мебели, ни светильников, ни прочих оставленных украшений, привезенных из заграницы. В потолке вырублен люк с пристроенной к нему лестницей, ведущей на второй этаж, где не осталось и следа от соседского имущества. С большим трудом приводили хозяева в относительный порядок свое несчастное жилище, но так и не смогли вернуть ему первоначальный облик.

* * *

Зойка приуныла. Такой дом огромный, а уединиться негде. И уборная прямо рядом с кухней – фу! Не могли что ли на улице поставить, как у них на Урале? Им постелили на диване в проходной гостиной, предложив сначала принять душ, и оставили одних.

Так началась у Зойки новая жизнь.

Глава 3. Молодожены

Зойка перевелась на заочное отделение в Плехановский институт, который в те времена был рад любым студентам, а Юра учился в вечерней школе и готовился в областной педагогический, куда его обещали принять без экзаменов. На университет он все же не тянул (да и «пятый пункт»¹ никто не отменял). Тощая стипендия, продуктовые карточки и талоны на дрова – вот и весь доход. Остальное обеспечивал отец. В доме всегда держали всякую живность: собак – от пуделей до волкодавов, кошек, ужей и прочих Юриных увлечений, певчих канареек, попугайчиков... и кроликов. До войны отец Юры, Борис Юрьевич, в свободное время занимался служебным собаководством, их участок всегда охраняли огромные немецкие овчарки. С началом войны кормить их стало нечем, поэтому вместо них на заднем дворе появились клетки с кроликами: их мясом и сами спасались и всю родню подкармливали. Правда, с кроликами было немало хлопот, а уж если один из них заболел, то тут же подыхало все поголовье. Борис Юрьевич решил привлечь к делу пока ничем не занятую Зойку, предложив ей чистить клетки и кормить кроликов в его отсутствие. «Ну уж нет! – решила та. – Не для этого я выходила замуж за почти что москвича!»

Юрина мама, Татьяна Даниловна, давно уже не выходила «в свет» – война нарушила их привычный образ жизни и разметала прежний круг друзей и влиятельных знакомых. Даже в Москву, в театр или на концерт, теперь приходилось отправляться на электричке и метро: лимузин мужу теперь не подавали. Ее элегантные наряды из спецраспределителя и заграницы, грустя по былым временам, потихоньку выходили из моды, а дорогие украшения, привезенные из Ирана, было опасно демонстрировать в последние годы. Шелковые палантины пошли на абажуры и накидки для подушек, каракулевая шуба облысела и украсила собой старое кресло на веранде, а бриллианты приберегались на черный день. Что-то попроще она раздаривала молочнице, прачке и девушке-горничной из ближней деревни, которая готовила, убирала в доме и сопровождала хозяйку на рынок.

Зойка, обменивавшая свои более-менее приличные «западные» одежды на яблоки, павшие жертвой железнодорожного произвола, выглядела в глазах свекрови настоящей голодранкой. Немного поколебавшись, женщина открыла шкаф и позвала Зойку. Пусть что-то подберет, кое-где расставит, что-то с чем-то скомбинирует. Орудовать иглой она умеет. Все не стыдно будет перед соседями. Недавно генерал Тимошенко, живший напротив, съехидничал по поводу статной красивой Зойки с фарфоровыми зубами: «Породу улучшаете? Ее бы еще приодеть...», – хмыкнул он. Татьяне Даниловне слышать это было неприятно: что же делать, если сын пошел в нее, а не в рослого могучего отца. Конечно, вкуса к одежде у невестки было маловато, но все же она понимала, что к чему, и в трофейной немецкой комбинации, полагая ее нарядным платьем, на люди бы не стала показываться, как некоторые деревенские дуры. Хуже было с обувью. Свекровь, женщина породы Веры Холодной, носила 33 размер, а у Зойки 36-й. Пришлось обратиться к знакомому частнику-сапожнику, который тайно шил обувь на дому и принимал только проверенных клиентов.

К Первوماю Борис Юрьевич раздобыл в кондитерской в Столешниковом переулке большой торт. Торжественное чаепитие решили устроить на веранде, нагретой ласковым солнышком. Зойка накрывала на стол. Торт предстояло переложить из коробки на огромное хрустальное блюдо и нарезать ровными частями смоченным горячей водой ножом. Справившись с заданием, Зойка решила втихомолку облизать нож, на который налип розовый крем. Вдруг ее сильно затошнило, и она, бросив нож на кухне, еле успела добежать до туалета. «Неужели чем-

¹ Пятый пункт в анкете, заполняемой при поступлении на учебу или работу, – национальность. Государственный антисемитизм служил серьезной преградой на пути к карьере.

то отравилась?» – недоумевала она, вспомнив, что с утра ничего такого не ела. За столом к торту она почти не притронулась, но ее продолжало мутить от одного его вида. Первой ее «раскусила» горничная, которая сразу невзлюбила Зойку, и выложила свои подозрения Татьяне Даниловне. Бедная мама легкомысленного сына, успокаивавшая себя тем, что этот «учебно-тренировочный» брак вскоре как-то сам собой распадется и она сумеет подыскать ему достойную партию из их круга, впала в отчаяние.

– Когда?! – трагическим шепотом спрашивала она у сына, поймав его в саду.

– Что, мамуль? – улыбался тот, играя с собакой.

– Ты сам знаешь что! – кивнула она в сторону веранды, где Зойка затаилась в кресле с книжкой.

– А, это... откуда я знаю? Кажется, осенью.

– И что? Это все у нас произойдет? Какой ужас! Пеленки, суета, детский крик день и ночь, няню придется брать, а папе нужны покой и отдых. Он один нас всех содержит! Да и бабушка этого не вынесет. А как же ее институт? Осенью как раз занятия начнутся. И тебе надо учиться, а не с ребенком нянчиться!

– Мамуль, ну как-нибудь обойдется, не переживай, – обнял мать Юра, подмигивая собаке.

Из Юриных одноклассников с войны вернулись только трое. Он навещал осиротевших родителей своих погибших товарищей, стараясь хоть немного их утешить и узнать, как и где они сложили свои головы. Мужское население их поселка сильно поредело. Юра часто вечерами уходил к закадычным друзьям – Коке и Кларе, у которых собиралась молодежь, в основном девушки. Устав от гнета войны, они пели у костра на ближайшей лесной полянке, с упоением читали стихи, свои и чужие, спорили о литературе, музыке, о смысле жизни и искусстве. Эта компания не нравилась ревливой Зойке, считавшей, что они играют в интеллигентов и слишком много о себе воображают. Ее раздражало, что остроумный и начитанный Юра был душой этих посиделок, и многие девицы смотрели ему в рот. К тому же ее совсем не занимали их непонятные споры-разговоры о тех поэтах, писателях и философах, о которых она и не слыхивала. Нет, он должен принадлежать только ей! Поначалу Зойку приняли в компанию, как свою, но ее провинциальное самомнение на пустом месте и заносчивость записной красавицы отшатнули от нее ребят, которым она стала неинтересна.

Так первые зерна семейного раздора упали на благодатную почву.

* * *

В начале сентября Зойка засобиравшись домой, к маме, рожать. Конечно, к маме! Куда же еще! Поначалу свекровь ее отговаривала: больницы в Подмоскowie все же лучше, чем в далекой сельской Башкирии. Но та уперлась, в душе надеясь, что Юра будет умолять ее остаться. И отговаривать вскоре перестали. Юра проводил ее на Казанский вокзал, пожелав удачи, и отправился домой с легким сердцем. Спустя четверо суток Зойку встретил отец на станции Бердяуш, который приехал за ней на лошади. Она смущенно ткнулась ему в небритую щеку и, неловко втягивая в себя созревающий живот, уселась на телегу.

– Не растряссти бы тебя по дороге-то, пробормотал отец, тяжело вздыхая. – Мужика-то своего чего ж не привезла? Аль нет его вовсе?

– Есть, папка, только некогда ему. Учится он в институте. Потом как-нибудь приедет, – неуверенно ответила дочь.

– Мать-то все горевала, что ты раньше старшей сестры взамуж выскочила, без спросу, без родительского благословенья. Опозорила девку, да и нас, ни за что ни про что, на все село. Ладно ли так делать-то было? Оне ведь оба учились в Челябинске, дак все ждали, когда их на работу вместе определят, чтобы расписаться честь по чести. И никому в тягость не быть. Все

сами. Марей-то, получив от тебя в мае фотокарточку с мужем: «Марии на добрую память от Юрия и Зои», все убивалась: «Судьбы мне теперь не будет, раз младшая вперед меня выскочила». Да все обошлось. Скоро в Касли поедут, дом им там обещали от работы.

– Остальные-то как, живы-здоровы? – засовестилась Зойка.

– Да все, слава Богу, в порядке. Старшие в школе учатся, а малая при матери. Тоже скоро шесть годов будет.

Как водится на селе, и провожают – ревут, и встречают – ревут. Ребятишки на улице, завидев пылившую телегу, побежали навстречу, чтобы прокатиться до дома с приехавшей из самой Москвы гостьей. Зойкина мать, статная, осанистая, еще не старая и красивая женщина с пышной короной черных кос с сильной проседью, стоя на крыльце, сурово смотрела на свою беременную дочь, боясь завывать в голос:

– Ну, здравствуй! Одна, что ль, приехала?

– Где ж одна-то, – хихикнул братишка из-за материной спины.

– Давайте-ка все в дом! – скомандовала мать, – Нечего соседней-то смешить.

Вечером набегали родственники и знакомые. Женщины с любопытством рассматривали Зойку, выпрашивая, как ей удалось отхватить мужа почти что из самой Москвы. Будь она из какой-нибудь Рязани, ее сочли бы непутевой девкой, которая отправилась учиться, а вскоре вернулась домой с животом и без мужа в наличии. Но Зойка прибыла из Подмосковья, почти что из самой Москвы, а там, как известно, живут только особенные, важные, государственные люди. Почти небожители. И на нее смотрели со смесью уважения и недоверия, когда она рассказывала, в какую семью попала и в каком живет барском доме с горничной. И уж совсем не поверили про туалет и душ. Как и тому, что у нее, такой «богатой», не хватило денег на подарки родне. Отец, выпив на радостях с мужиками, завел свою песню про ненавистного Сталина и его дружка Гитлера, ругательски ругая власть за раскулаченных и погубленных родных, за трудовой лагерь в мерзлой тундре, где он в войну загибался вместе с такими же бедолагами, кого не взяли на фронт, – и своими местными русскими, татарами, башкирами, немцами, и ссыльными всех национальностей.

Зойка со страхом думала: «Хорошо, что свекор не слышит отца, а вдруг кто донесет? Как-то здесь все неуважительно относятся к вождю и не боятся ничего, не то что в Москве: там на него только что не молятся». Сама она сейчас меньше всего думала обо всем этом, прикидывая, когда и где ей придется рожать: «Ну да мамка все скажет, когда надо будет». В родном доме обходились без горничной и прачки: печка, вода в колодце, туалет во дворе. Стайка с коровой и поросятами, курятник, большой огород – работы всем хватало, и большим и малым. К тому же пора было убирать урожай, солить на зиму огурцы и помидоры в огромных бочках, рубить капусту, готовить погреба под картошку и другие овощи. Первым делом Зойке пришлось расстаться с маникюром, локонами и городскими привычками. Мать велела ей перестирать ветхие простыни и нашить из них пеленок с подгузниками. Отец достал с чердака старую люльку, которая верно служила всем его детям, и понес ее в сарай чинить. «Еще свои-то не выросли, а тут уж готовь гнездо новому птенцу – внуку или внучке, кого Бог даст, – невесело думал он. – Самому всего-то сорок два года, а уже дед».

В конце сентября спешили до заморозков выкопать последнюю картошку на горе. На поле отправились всей семьей. Мужики копали, а бабы собирали ее в мешки. Зойка наполнила картошкой ведро и кликнула брата помочь ей пересыпать ее в мешок. Ни с того ни с сего в животе вдруг крутанулось, и от резкой боли она, охнув, осела на землю. Мать бросилась к ней, наказывая отцу запрягать лошадь. Дома она посадила ее в корыто, вымыла и стала собирать в дорогу. Трясаясь в телеге по пути в районную больницу, Зойка завывала от страха и боли и просила отца остановиться: «Ой, папка, помру я!». Отец, не обращая внимания на ее вопли, настегивал лошаденку, матерясь в усы: «Ничо, жива будешь – не помрешь». На исходе утра следующего дня она родила крепенькую дочку, всю в перевязочках, и сразу забыла, что соби-

ралась умирать, а еще через день уже была дома. Молока у нее хватало, и ребенок, насосавшись досыта, спал всеми днями напролет. Зойкина бабушка, качая люльку, учила молодую мать уму-разуму, а младшая сестренка просто не отходила от «живой куклы». И сама дала ей имя. Так в семье Поповых появилась первая внучка.

Мать все переживала и корила Зойку за то, что не едет ее муж:

– Новорожденного-то отец должен понянькать на руках, еще красненького да сморщенного, увидеть его таким беспомощным да крохотным. Вот тогда и любить будет всю жизнь и заботиться о нем. А так что – большой-то ребенок ему никак в душу не западет. Не прикипит он к нему, как и те бабка с дедом (не скоро познакомится теща с зятем – лишь через пару десятилетий на свадьбе внучки).

Зима на Урал приходит не мешкая. Уже в октябре начались заморозки, и к ноябрьским праздникам вокруг стало белым-бело. В один из выходных к Поповым заглянул родственник, леспромхозовский начальник. Увидев Зойку с ребенком на руках, спросил:

– Ну, где ж твоя учеба? Аль уже стала певицей-то?

Та недовольно фыркнула и ушла в свой закуток.

– Вот ведь как теперь старших-то слушают. Обещалась, что мужик-то за ей вскорости приедет, а его все нет, – жаловался гостю отец. – Видать, на мою шею повесил. Дак куда денешься, своя кровь, хоть и поперешная.

Зойка кусала от обиды губы, еле сдерживая злые слезы. Но отец, страшно кашляющий после лагеря, где его разыскала мать в брошенном бараке для умирающих и буквально на себе привезла домой, прав: он один работает на такую семью. Гость решил загладить свою оплошность, предложив сфотографироваться: у него, единственного во всей округе, был прекрасный трофейный фотоаппарат со всеми принадлежностями, и он под настроение любил снимать своих односельчан «на память». Сбежалась вся семья, даже бабушка слезла с печной лежанки. Отдельно решили сфотографировать ребенка: «Пошлешь мужику-то фотокарточку, пусть хоть поглядит на свою дочку», – убеждал Зойку гость. И вскоре мутный портрет упитанной голышки в тугих перевязочках с надписью: «Дорогому папке от дочки» отправился по почте за тысячи километров порадовать своим видом молодого отца. («Портрет» этот пережил житейские бури и осел, спустя немногим меньше века, уже в новом тысячелетии, в альбоме взрослого внука позировавшей на подушке крохи).

В апреле Зойка заговорила об отъезде, переживая, как бы муж в ее отсутствие не подыскал себе другую с благословения свекровки. В глубине души она надеялась оставить ребенка матери, но отец вряд ли разрешит: им надо еще своих младших на ноги поставить. Ну и подумай! В круглосуточные ясли берут с шести месяцев, а дочке скоро семь. Если засесть за учебники, то можно еще и весеннюю сессию попробовать сдать. Зойкина мать поливала слезами внучку, к которой привязалась всем сердцем, уговаривая дочь пожить хоть до осени, пока дите не начнет ходить. Она готова была оставить у себя ребенка насовсем, но боялась даже думать о том, как будет управляться со своим хозяйством: на селе наступала горячая пора – как потопашь, так и полопашь. Да и хозяин ругается: раз семью завела, не спросясь родителей, пусть сами растут своих детей. Мужик Зойкин уж сколь времени и ехать не думает за женой и ребенчишком, и денег не шлет. И родители его не интересуются. Что ж, пусть обе едут, увидят родичи малую-то, да такую хорошеньку, глядишь, и сладится все. Небось, помогут – и бабка там есть, и прабабка, и дед богатый.

На станцию поехали чуть ли не всей семьей. Возбужденная Зойка, еще больше похорошевшая после родов, которые придали ее стройной фигуре соблазнительную женственную завершенность, прокладывала дорогу в толпе своей многочисленной свите. Ее мать, сурово сжимая губы, несла на руках внучку, глядя сухими глазами прямо перед собой. Слез уже не осталось. «Так бы и шваркнула малую об рельсы – уж лучше пусть сразу погибнет, чем мучиться, и эту гадину Зойку разорвала бы на куски. Куда вот ее лихоманка несет? Кому оне

обе там нужны? А ребенчишка-то как жалко! Ой, глаза б мои не глядели на них», – горевала она, все крепче прижимая к себе девочку. За материну юбку держалась младшая, которую с появлением новорожденной все в доме стали звать «маленькой мамой» (такой заботливой няньки у ребенка больше никогда не было). Эта шестилетняя «мама», которую лишали любимой «живой куклы», застыла в своем первом невыносимом горе расставания. За ними шагал отец с чемоданом, перевязанным веревкой, а замыкали шествие братья-подростки, которые тащили узлы с вещами.

Паровоз истерично загудел, зафыркал, плюясь черным дымом, залязгал буферами, примериваясь к дальней дороге. Внезапно вагон дернулся, пассажиры и провожающие засуетились, заохали, утирая слезы и бестолково тычась друг в друга с прощальными поцелуями. Вещи уже внесли в вагон, и Зойка вышла на площадку. Ее мать, поцеловав в лобик улыбающуюся внучку с недавно проклюнувшимися передними зубками, молча протянула ребенка Зойке. Суровый отец, переживший немало за свои сорок три года, горько плакал, роняя слезы в свои лихие «чапаевские» усы. Зойка заревела, глядя на прямую спину матери, уходившей с платформы, не помахав ей на прощанье. Только маленькая сестренка, не выпуская материнюю юбки, все поворачивалась зареванным личиком, спотыкаясь и снова оглядываясь. Проводница загнала пассажиров в вагон и закрыла дверь. И опять побежали рельсы, то сливаясь, то расходясь в разные стороны, как тогда, три года назад, когда Зойка впервые уезжала из дома, полная радужных надежд на свое необыкновенное будущее.

И опять златоустовские родственники помогали ей штурмовать московский поезд. Мешочники, которые лезли по головам, сшибая народ своими баулами, служивые и командировочные, в большинстве все еще в застиранном армейском обмундировании за неимением лучшего, и прочий люд, которому никак не сидится на месте, – все рвались в Москву. Грудничок в вагоне – не самая большая радость для пассажиров, но в Зойкином купе плацкартного вагона ехали демобилизованные, которые после тяжелых ранений еще многие месяцы после Победы на Западе и Востоке скитались по уральским госпиталям. Для них, повидавших столько смертей, маленький ребенок был как глоток живой воды. Зойка с легкостью доверила свою дочку рано поседевшему солдату, который нянчился с ней всю дорогу: кормил из соски, подмывал в общем туалете, пеленал и укачивал на руках, еле передвигаясь по коридору на изуродованных ногах. Его спутники помоложе, приободрившись, развлекали Зойку смешными байками, забыв о своих ранах и увечьях. Войну не вспоминали. Спасибо, что живы остались. Мирная жизнь – это уже счастье. А если еще дома дождались, так больше ничего и не надо.

На Казанском вокзале ее встретил муж, какой-то совсем незнакомый и смущенный. Неловко поцеловав Зойку в щеку и равнодушно взглянув на ребенка, он потащил вещи через пути на другую, пригородную, платформу. В вагоне разговор не клеился: «Да, нет, наверное, не знаю», – вот и вся беседа. Дочка, почти все время молчавшая на пути в Москву, решила наверстать упущенное и продемонстрировать новоявленному папаше свои голосовые данные, вызвав у того неприятное удивление: «Что, это теперь все время так будет?!». Зойка трясла дочку, пытаясь успокоить, но дать ей, оголодавшей, грудь постеснялась. Муж, казалось, готов был выпрыгнуть из электрички прямо на ходу. От станции они шли в том же порядке, как и год назад: впереди Юра с чемоданом и узлами наперевес, а за ним поспешала Зойка с ребенком на руках. Только теперь их было трое, и прохожие, уже забывшие о существовании Зойки в жизни их соседей, с удивлением рассматривали эту процессию, вынуждая Юру прятать от них глаза. Семья была в сборе и встретила прибывших фальшиво-радостно. Бабушка, разглядывая в лорнет свою правнучку, что-то фыркнула по-немецки и удалилась в свою комнату.

Так у Зойки начался следующий этап ее семейной жизни.

Глава 4. Семейные бури

Ни бабушка, ни тем более прабабушка барских кровей, проводившая дни в старинном кресле с болонкой на коленях, а вечера у телевизора с выпуклой водяной линзой, не выразили никакого желания нянчиться с ребенком, и Зойка, наконец, ощутила всю тягость единоличного ухода за малышкой. Это не дома, у мамки под боком! Муж не помогал ей, брезгливо шарахаясь от ребенка и видя в нем только помеху для своих законных желаний. Ему интереснее было со своим домашним зверинцем – ужами и прочими гадами, которые свободно паслись в саду, с собаками и всякими зверушками, чем с женой и дочкой. Денег у молодой семьи не было, и откуда в доме что берется, они не задумывались. Слоноподобный холодильник «ЗИЛ» на кухне (большая редкость в те времена!) всегда был полон продуктов, белье кем-то постирано и выглажено, обед приготовлен, массивный дубовый паркет натерт до блеска, вот только ребенком никто не спешил заниматься, связывая Зойку по рукам и ногам. Обещанная нянька что-то не находилась, а муж по вечерам все так же норовил удрать к друзьям и все реже приглашал ее с собой, зная, что с дочкой некому посидеть.

Зойку захлестнула безрассудная ревность: у мужа друзей половина поселка, и среди них много симпатичных девчонок, которых война оставила без женихов. Она злилась на него, но, как водится, во всем винила свекровь, видя в ней угрозу своему семейному счастью. Начались скандалы. Разобиженную на весь свет Зойку утешали соседи-доброхоты из генеральского дома напротив. Генеральша, добродетельная барыня-филантропка Александра Федоровна Тимошенко, выращивала из деревенских девчонок вышколенных горничных, в меру образованных и воспитанных, которые служили у нее несколько лет, учась в вечерней школе и отрабатывая хлеб и кров, а затем выдавала их замуж за перспективных, на ее взгляд, подчиненных своего мужа. Ее собственная дочь училась в университете и приезжала из Москвы только в выходные, конвейер с горничными и прочей прислугой был отлажен, и деятельная натура этой женщины требовала новых высот. Как и многие украинцы, они с мужем недолюбливали евреев вообще, а своих соседей в частности, особенно хозяина дома, работавшего в органах, которого в поселке побаивались. Ну как тут не помочь их русской невестке!

Александра Федоровна приняла живейшее участие в судьбе Зойки, подспудно воспитывая ее и обучая светскому этикету, как своих горничных. Первым делом заговорщицы тайно окрестили ребенка в местной церкви. Зойка теперь могла оставить на вечер дочку под присмотром прислуги Александры Федоровны и куда-то вырваться. Скоро начнется сессия в институте, и ей надо многое наверстывать, чтобы не потерять год. Ребенка она устроит в круглосуточные ясли-сад. Свекор, поняв, что помощи от Зойки в уходе за кроликами ему не дожидаться, решил подыскать ей работу. Его связи позволяли ему пристроить невестку в приличное место – рядом с площадью трех вокзалов располагались целых четыре министерства. Он выбрал что попроще – сельскохозяйственное, куда Зойку взяли секретарем-машинисткой. К тому же там оказался прекрасный загородный детский сад-ясли, куда малышкой с полугода до трех лет сдавали на круглосуточное воспитание с редкими наездами родителей.

Наконец-то Зойка вздохнула свободно и независимо. У мужа была своя жизнь, у нее – своя. Вот только Зойкина мать, узнав о круглосуточном воспитании внучки на чужих руках, изругала ее в письме последними словами. Но у Зойки своя голова. Ничего, все дети как-то вырастают, и с ее дочкой ничего не случится. Ей самой надо в люди выбиваться, а не сидеть квочкой над ребенком. Она быстро выучилась стучать на машинке и почувствовала себя важной птицей, работая в таком шикарном месте. Огромное новомодное здание на Садовом Кольце с большими окнами-витринами, диковинными иностранными лифтами, лестницами в ковровых дорожках и кабинетами, обитыми дубовыми панелями, было образцом современного учреждения, где все располагало к работе больших и мелких чиновников и даже обслужива-

ющего персонала. Буфеты и столовые с белоснежными крахмальными скатертями, изящным фарфором и столовым серебром – для каждого сословия отдельно, где можно было прикупить на вынос дефицитные продукты; поликлиника, парикмахерская, почта, билетные кассы, магазин, собственное ателье и даже мастерские по ремонту обуви-одежды. В распоряжении министерства – соцстраховские путевки во всевозможные санатории и дома отдыха по всей стране. Для детей сотрудников – детские сады-ясли, пионерские лагеря и прочие блага.

Зойка быстро сообразила, что за это место надо держаться зубами и постараться после окончания института получить здесь приличную должность. Однако желающих пристроить своих ближних на теплое местечко в министерстве было немало, поэтому над нижними чинами вечно нависал «Дамоклов меч» сокращения штатов. Ее спасала от изгнания из этого рая учеба в институте и... тень свекра. По субботам к министерству подъезжал автобус с детсадовскими детьми, который в понедельник увозил их обратно. Зойка забирала дочку и маялась с ней все воскресенье. Юра все так же равнодушно смотрел на свое потомство и в часы страстных примирений с женой, подхватив ее на руки, уносил в спальню, бесцеремонно выталкивая дочку за дверь, где она оставалась одна под присмотром собак и кошек. Ясельное воспитание – суровая школа жизни для ребенка, поэтому девочка никогда не капризничала и не досаждала своим родителям. Рано научившись ходить, она частенько куда-нибудь забредала, особенно летом на огромном участке, где ее не сразу удавалось отыскать. И лишь однажды пронзительно закричала, упав на лестнице на валявшиеся там осколки стеклянной банки. Неровный шов через весь подбородок остался на всю жизнь.

В конце 1947 года в стране отменили продовольственные карточки, но для того чтобы народ не захлебнулся от радости, почти в это же время устроили денежную реформу – и многие из тех, у кого было кое-что запасено на «черный день», в одночасье избавились благодаря заботе государства от «излишков». Убежденный коммунист, член партии с 1918 года, талантливый человек, обласканный властью и нечаянно обуржуазившийся в длительных зарубежных командировках, где он выполнял спецзадания НКВД, Борис Юрьевич впервые усомнился в верности курса родной партии. Ему оставалось только в отчаянии скрипеть зубами и лихорадочно соображать, как тянуть семью и родичей-прилипал на одну его пенсию, хоть и персональную. От сына с невесткой толку никакого – их крох хватало только на карманные расходы.

Семейная жизнь у Зойки никак не клеилась, но она продолжала оставаться в доме мужа, который все больше от нее отдалялся, не желая вовсе играть в эту игру. Перед ним открывались новые горизонты – он оканчивал ускоренный курс исторического факультета педагогического института и частенько уезжал в далекие экспедиции. Денег он ей на ребенка не присылал, полагая, что она и так живет на всем готовом в доме его родителей. Зойка, просвещенная сведущими кумушками, знающими, как ущучить этих подлых евреев, от которых все беды на свете, советовали ей подавать в суд. Бесконечные судебные тяжбы шли с переменным успехом, учитывая непомерные Зойкины запросы. Конечно, свекор мог ее в два счета прихлопнуть как муху, но он избегал скандала, оберегая свою репутацию видного общественного деятеля районного масштаба и не желая «подливать масла в огонь» – кампании против евреев то затихали, то вновь разгорались с небывалой силой на пустом месте. Выход один – договориться потихому с невесткой и купить ей с ребенком жилье после развода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.